DOI 10.31250/2618-8600-2025-4(30)-178-199
УДК 392:316.361.13(574)

С. Ш. Казиев

д.и.н., доц., Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева
Петропавловск, Республика Казахстан
ORCID: 0000-0002-1613-1211
E-mail: sattarkaz@mail.ru

М. В. Могунова

ст. преподаватель, Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева
Петропавловск, Республика Казахстан
ORCID: 0000-0001-9341-0102
E-mail: M_mogunova@mail.ru

Национальная идентичность и имянаречение детей в межнациональных браках у казахов в Северо-Казахстанской области Республики Казахстан

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено изучению роли имянаречения в генерировании национальной идентичности и изменений в гендерных отношениях в межнациональных браках казахов Северо-Казахстанской области. Несмотря на то что связь между именами, национальной идентичностью и степенью проникновения модернизации в семейную сферу представляется вполне очевидной, исследований, посвященных конструированию национальных границ в межнациональных браках, крайне мало. Преобладает мнение, согласно которому межнациональный брак уже предполагает культурные сдвиги, размывание национальных «перегородок» между народами и вероятную ассимиляцию. Авторы исходят из того, что выбор имени является сложным процессом позиционирования индивида в обществе. На него влияют этнокультурная среда и уровень социальной модернизации общества. Выбор имени является одним из основных ресурсов для конструирования элементов социальной и культурной ориентации и самоотождествления человека с какими-либо частями окружающего мира. Процесс выбора имени для родившихся в межнациональных браках детей показывает степень компромисса в гендерных отношениях родителей и вероятность появления по сути разных идентичностей. Используя эмпирические методы, авторы исследовали конкуренцию за идентичность детей, рожденных в межнациональных браках, семейные стратегии по поддержанию или нивелированию значимых для казахов маркеров национальной идентичности, таких как генеалогии, родовая аффилиация, гендерное поведение и семейные традиции и отражение этих отношений в имянаречении и практиках исключения/включения в свою общность. Материалы исследования показывают, что имянаречение в межнациональных семьях казахов отражает процесс сдвига от изначальных к символическим основаниям национальной идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имянаречение, нейминг, казахи, русские, межнациональные браки, ассимиляция, идентичность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Казиев С. Ш., Могунова М. В. Национальная идентичность и имянаречение детей в межнациональных браках у казахов в Северо-Казахстанской области Республики Казахстан. *Этнография*. 2025. 4 (30): 178–199. DOI: 10.31250/2618-8600-2025-4(30)-178-199

S. Kaziev

Manash Kozybayev North
Kazakhstan University
Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan
ORCID: 0000-0002-1613-1211
E-mail: sattarkaz@mail.ru

M. Mogunova

Manash Kozybayev North
Kazakhstan University
Petropavlovsk, Republic of Kazakhstan
ORCID: 0000-0001-9341-0102
E-mail: M_mogunova@mail.ru

National Identity and the Naming of Children in Interethnic Marriages of Kazakhs in the North Kazakhstan Region of the Republic of Kazakhstan

A B S T R A C T. This study examines the role of naming practices in interethnic marriages among Kazakhs in the North Kazakhstan region, with a particular focus on their impact on national identity formation and evolving gender dynamics. While naming is often assumed to be linked to national identity and affected by modernization and changing family structures, limited research has examined how national boundaries are actively negotiated within interethnic marriages. Traditional perspectives tend to view intermarriage as a driver of cultural blending, erosion of national distinctions, and eventual assimilation. This study argues that name selection is not merely a conventional act of choosing from a predefined set of names, but a socially complex process that reflects an individual's cultural positioning within society. It is shaped by ethnocultural influences and the degree of societal modernization, making naming a critical tool enabling self-identification within a broader societal context. In the context of interethnic marriages, naming also reveals negotiations within gender relations between parents. Moreover, the chosen names can signal the emergence of hybridized identities. Drawing on empirical methods, which included surveys and participant observation, the study investigates identity dynamics and competition in naming practices within mixed families. It also examines family strategies that either reinforce or weaken core markers of Kazakh national identity, such as genealogical lineage, tribal affiliation, gendered norms, and traditional family practices. The findings suggest that naming practices in interethnic Kazakh families reflect a broader transition from primordial to symbolic foundations of national identity.

K E Y W O R D S: naming, Kazakhs, Russians, interethnic marriage, assimilation, identity

F O R C I T A T I O N: Kaziev S., Mogunova M. National Identity and the Naming of Children in Interethnic Marriages of Kazakhs in the North Kazakhstan Region of the Republic of Kazakhstan. *Etnografia*. 2025. 4 (30): 178–199. (In Russian).
DOI: 10.31250/2618-8600-2025-4(30)-178-199

ВВЕДЕНИЕ

В научной литературе уделяется большое внимание традициям имянаречения, которые являются маркерами этнических границ и характеризуют тенденции к ассимиляции или конвергенции у контактирующих народов. К. Гирц и К. Леви-Стросс отмечали прямую связь практик имянаречения с обретением определенного социального статуса, духовным миром (далее используется также термин «нейминг») (Geertz 1973: 363; Levi-Strauss 1966: 192). Национальный именник дает представление о протекающих культурных процессах, социальном капитале и культурных предпочтениях общества или какой-то его группы. В случае с постколониальными элитами, например, речь идет о политических претензиях на «коренное» происхождение. Так, в центральноазиатских обществах проявилась тенденция к дерусификации имянаречения и возвращению к традиционным именам, что символически связывает настоящее и историческое прошлое, ассоциируемое с мифическими или полузабытыми героями и правителями. Инициатива исходит от представителей политической элиты, руководителей, возвращающих и принимающих названия вроде Аркадаг, Елбасы и т. п., подчеркивающие национальную идентичность, аутентичность их носителей.

Традиции имянаречения указывают также на границы между традиционализмом и модерностью. Индикатором «осовременивания» является сокращение именника. Как правило, в традиционных обществах существует сложная система, правила, по которым определяется выбор персонального имени, предполагающие не только очень широкий набор предлагаемых имен, но и возможную их смену в связи с повышением социального статуса или возрастом. В современном мире происходит замещение традиционных имен, характерных для каждого конкретного общества, универсальным набором имен. Тенденции модернизации и вестернизации сознания затронули и казахстанское общество. Еще в советский период у казахов ослабли традиции имянаречения, связанные с религиозной принадлежностью, в то время как родственные казахам узбеки и татары их сохраняли. В среде современных северных казахов практически исчезли *лакабы* (почетные пожизненные прозвища), распространенные в традиционном кочевом обществе. Здесь также почти утрачены уничижительные имена-обереги, такие как Сасык ‘вонючка’, Итаяк ‘собачья посуда’ или Тышкан ‘мышь’, что объясняется ростом уровня образования.

Анализ нейминга показывает процесс конструирования национальной идентичности. В современной науке утвердилось понимание национальной идентичности как конструирования принадлежности к «воображаемым сообществам» (Б. Андерсон) или «изобретенным» общностям (Э. Хобсбаум). Однако вне исследовательского поля зрения остается

сам процесс конструирования «воображаемого» или «изобретенного» через этнокультурные сдвиги, отражающиеся в культурной и языковой сферах. Исследовать их мы можем по «следам», в частности — по изменениям традиций имянаречения. Изучение распространения имен позволяет проследить степень этнокультурной ассимиляции и маргинализации детей от смешанных браков или уровень межэтнической конвергенции. В случае формирования множественных гибридных идентичностей неизбежно появление широкого разброса в именах детей от межнациональных браков, при сохранении изначальных идентичностей, основанных на генеалогическом принципе и родстве, у детей преобладают имена, характерные для конкретной этнической группы. Нередко выбор имени для ребенка является «последней крепостью» идентичности одного из родителей. Авторы настоящей статьи поставили целью изучение новшеств в практиках нейминга детей в межнациональных браках казахов как индикатора изменений этнической идентичности. Выбор такого вида браков определялся соображениями относительной новизны этой практики, в течение длительного периода в казахской среде смешанные браки составляли весьма малую часть. Северные казахи устойчиво сохраняли идентичность, основанную на культурной самобытности. Однако переход к новому типу гендерных отношений и современной эгалитарной семье сопровождается смягчением негативных установок в отношении смешанных браков и признанием представителями старшего поколения детей от смешанных браков при условии сохранения национальных начал.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Изучение имянаречения детей казахов, родившихся в межнациональных браках, основано на ряде источников. В первую очередь, авторы опирались на полевые материалы этнографических исследований в Северо-Казахстанской области Республики Казахстан (ПМА). Сбор этнографического материала осуществлялся в г. Петропавловске (областной центр) с января по май 2025 г.

Исследование было сосредоточено на выяснении связи между именем ребенка, рожденным в межнациональном браке, и выбором его национальной идентичности. Метод сбора данных — структурированное интервью (собрано 56 анкет). В опросе участвовали молодые люди из смешанных семей (в основном от 16 до 22 лет, их доля составляет 70 % среди общего числа респондентов). Отдельную группу респондентов составили взрослые горожане, состоящие в межнациональных браках и имеющие в них детей (в возрасте от 28 до 55 лет). При анализе ответов во внимание принималось этническое происхождение самих респондентов. В анкете для молодых людей (детей от

смешанных браков) требовалось указать все варианты собственного имени, которые в ходу в семье; наличие определенных традиций имянаречения в семье; сведения о том, кто из родственников выбирал имя; роль старшего поколения в этом процессе; собственную национальную принадлежность и др. При опросе взрослых респондентов (состоящих в межнациональном браке и имеющих в нем детей) фиксировались сведения о том, кто дал имя ребенку/детям; чем руководствовались члены семьи при выборе имени; наличие в семье (среди родственников) традиций, связанных с имянаречением; наличие разногласий с супругом/родственниками при наречении детей и др. Специфика проблемы обусловила использование метода «снежного кома». У казахов в межнациональных браках, как правило, состоят мужчины. Иными словами, доля женщин-казашек, вышедших замуж за представителя другого народа, существенно меньше, чем мужчин-казахов, женившихся на женщинах иной национальности.

Собранные в ходе полевой работы сведения дополняют материалы национальных переписей населения. Один из сборников переписи 2021 г. в Казахстане посвящен наиболее распространенным именам в разных национальных группах, проживающих в республике (Популярные имена и фамилии... 2021).

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ?

В научной литературе, посвященной антропонимии, большое внимание уделяется социокультурным и историческим факторам, влиявшим на имянаречение. В случае Северо-Казахстанской области очевидны влияние изменений в образе жизни и формирование в XX в. прежде всего русско-казахской и вообще смешанной этнической среды. Имянаречение русско-украинского населения региона отличалось устойчивым воспроизводством христианского антропонимикона и связанной с имянаречением русской этнокультурной традиции. Переход к восточнославянским именам был заметен у проживавших здесь немцев и поляков. Немцы редко выбирали имена Герман, Эрнст, Яков. Часто возникал диссонанс между славянским именем и германским отчеством. Переход к русским антропонимам у немцев и поляков показывает степень их этнической ассимиляции. Татарская антропонимика отличалась от русско-украинской и казахской ориентированностью на арабо-персидскую культуру исламского мира (ср. имена: Рашит, Ильяс, Ильдар, Харис, Раис, Раиль и т. п.). Более глубокая исламизация татарского населения и мощный культурный капитал позволяли татарам сохранять свою идентичность в иноэтничной среде.

Т. Д. Джанузаков отмечал детерминирующее влияние образа жизни на выбор имени в традиционном казахском обществе: «Основной состав

казахской антропонимии в большей или меньшей степени отражает культурно-историческую жизнь народа, начиная с древнейших времен до наших дней» (Джанузаков 1991: 6). Казахстанские лингвисты отмечают также сложнокомпонентный состав казахской антропоники, связанный с историей народа и рефлексией казахов по поводу широких социальных, политических и культурных контактов с соседними народами (Madiyeva et al. 2020: 79). Можно согласиться с К. Е. Еспаевой, при изучении эпопеи М. Ауэзова «Путь Абая» выделившей основные группы имен, отличающиеся по происхождению и времени появления: сохранившиеся древнетюркские имена; фольклорные имена; исконно казахские имена; арабо-персидские заимствования. По ее мнению, исконно казахские имена характеризуются прозрачной семантикой, широко доступной для общенародного понимания (Еспаева 1984: 230–231). Мужские имена у северных казахов чаще всего были связаны с пожеланиями благополучия, успехов, мира и богатства: Женис ‘победитель’, Жоламан ‘счастливой дороги’, Аманжол, Амангельды ‘здоровый прибыл’, Бейбут ‘мир’, заимствованное из арабского языка имя Серик ‘попутчик, партнер’, Баян ‘богач’, Кошкарбай ‘богатый баранами’; с определенными качествами характера или физическими свойствами человека: Батыр ‘герой, богатырь’, Тохтар ‘неудержимый’, Темирхан ‘железный хан’, Болат ‘сталь’, Кайсар ‘император’, Кайрат ‘могучий’. Носителям имен с казахскими аффиксами *-бай*, *-хан*, *-бек* родственники желали обладания богатством, властью. Нередко особая жизненная сила приписывалась определенным животным и хищным птицам, предполагалось, что их свойства переходят и на носителей соответствующих имен (например, Тайжан, Тайлак, Амантай, Буркут, Каршига, Арыстан, Бота, Сункар). По внешним признакам и чертам характера могли давать прозвище, которое становилось основным в общении с родственниками. Светлоглазых шатенов нередко называли Сары ‘рыжий’, Сартас ‘желтый камень’, Коккоз ‘голубоглазый’, и такое второе имя вытесняло основное в повседневном общении.

Исконно казахский антропонимикон отличала широкая вариативность, что связано с отголосками тенгрианских и анимистических верований. Если проследить имена предков по генеалогиям (*шежире*), заметно исключение из номенклатуры имен усопших. В отличие от последователей авраамических религий, включая мусульман, казахи не называли детей в честь дедов и прадедов. Считалось, что упоминание имени предков всуе может вызвать их гнев. Обращаться к *аруахам* (душам усопших предков) можно было лишь в минуты смертельной опасности. Обычной практикой было наречение ребенка близким по смыслу именем с тем, которое было у одного из умерших старших родственников: Кудайберды или Кудайберген ‘Богом данный’ можно было заменить именем Танирберген ‘небом дарованный’. Кроме того,

северные казахи полагали, что каждый человек имеет собственную судьбу, так что уникальное личное имя было оберегом на жизненном пути. Подтверждают высказанные положения проанализированные нами материалы шежире рода *атыгай* — одной из крупнейших родоплеменных групп северных казахов. Достоверные сведения об именах предков по мужской линии удается проследить с конца XVII в. и до начала XXI в. По результатам анализа нами не обнаружено ни одного совпадения имен современных казахов с именами их прославленных предков (см.: Атығай шежіресі 2010).

Переход из одной возрастной когорты в другую обычно повышает социальный статус мужчины и отражается в имянаречении. Обычно взрослых мужчин называют уважительным сокращенным именем (с добавлением суффикса *-ке-*): Талгат — Таке, Нурсултан — Нуреке, Кабдрахим — Кабеке, Марат — Маке и т. д.[1] При упоминании имени усопших обязательно добавляется слово *маркум* ‘покойный’.

Проживание в мультиэтнической среде с преобладанием русского культурного компонента, процессы социальной модернизации, влияние «советскости» в образе жизни и впоследствии обретенная независимость непосредственно воздействовали на практики имянаречения в среде северных казахов. В регионе почти исчезли старинные имена вроде Кулеке, Кулсары, Кулыбек, Кулымбет, восходящие к древнетюркскому слову *кулюк* ‘сподвижник, опора’; в этом смысле следует понимать имя древнетюркского героя Культегина ‘сподвижник-принц’[2]. Также выходят из употребления имена исторических героев — Богембай, Едиге, Барак, Кокжал, Калдоман ‘разбойник’, Жаубасар ‘губитель врагов’; исключаются неблагозвучные или трудные по произношению для русскоязычного населения имена (например, в рассматриваемом регионе избегают имен Баба, Бабасан, Кабай, Кант, Канапья, Ырысты, Пердеш, Пернегуль, Перизат, Задэ и т. п.).

Позитивные оценки советского образа и влияние социалистической идеологии жизни привели к появлению таких имен, как Марлен (от фамилий Маркс и Ленин), Марат, Социал, Тракторбек, Чапай, Советказы, Роза (в честь Розы Люксембург), Мужик, Замир (от сочетания «за мир»), Труд, Наука (см.: Джанузаков 1991: 17; Madiyeva et al. 2020: 83). Однако эти имена не получили широкого распространения. Большее значение имело появление вторых (неофициальных, близких к собственным именам) «русских» имен у казахов. Так, Серика или Сергазы могли именовать Сергеем, Каиржана или Каиргельды — Николаем (от диминутива Коля), Алибека — Алексеем и т. д. Практика двойных имен

---

[1] Подобная практика наблюдается у казахстанских турок, нами записаны следующие варианты имен: Бенали — Бино, Ибрагим — Ибо, Шамиль, Шамсуддин — Шамо, Бахтияр — Бахо и т. п.

[2] Скорее всего, объясняемые более поздней народной этимологией корня этих антропонимов, связанных со словом *кул* ‘раб’.

облегчала контакты людей разных национальностей и не предполагала однозначной ассимиляции, тем более что в среде северных казахов произошло упрощение национального антропонимикона. В среде российских казахов также распространены вторые русские имена. Среди казахов Алтайского края часто встречаются собственные русские имена, но после переезда в Казахстан их дети получают стандартные казахские имена, контрастно соединяющиеся с русскими отчествами. Нами отмечены такие сочетания, как Алибек Николаевич, Айгуль Сергеевна, Айслу Николаевна, Гульнара Ивановна. Одна из информанток объяснила свое отчество «Сергеевна» тем, что ее дед назвал своего сына в честь погибшего русского друга: «Перед смертельной атакой в Сталинграде мой дед и его русский друг поклялись назвать своих первенцев в честь того, кто не вернется из боя. Мой дед выполнил свою клятву, хотя это противоречило нашим обычаям» (ПМА 2025: Айгуль А., 48 л., казашка, психолог)[3]. В межнациональных семьях наличие двух имен у детей (казахского и неказахского) или сравнительно нейтральных имен типа Руслан или Тимур было компромиссной стратегией родителей, принадлежащих к разным культурам и пытающихся преодолеть культурный разрыв между поколениями.

Однако даже поверхностная русификация/советизация антропонимикона дает представление о формировании у части казахов бикультурной идентичности. Утеря или ослабление культурной идентичности, связанной с историей и традициями собственного народа, продолжались и в постсоветский период, что обусловлено процессами урбанизации и вестернизации. Последнее предполагает индивидуализацию общественного сознания. На наш взгляд, модернизация казахов полнее всего отразилась в широком распространении имен европейского происхождения, особенно популярных у казахских женщин. Такие имена, как Алина, Альбина, Диана, Жанна, Индира, Сабина, Карина, Дарина, Снежана, Милана, Лилия, Лаура, Эльвира, фактически вытеснили исконные казахские имена не только в смешанных, но и в мононациональных семьях.

Традиции нейминга тесно связаны с генерированием этнической идентичности. На наш взгляд, переход к инокультурному антропонимикону не всегда означает тенденцию к глубокой ассимиляции. Часто это может быть ответом на тренды модернизационной европеизации, вошедшие в моду практики ретрадиционализации или элементы реисламизации образа жизни. В имянаречении отражаются изначальные сантименты вокруг идентичности, что проявляется в межнациональных браках.

---

[3] Здесь и далее при ссылках на респондентов указываются их имена, возраст, этническая принадлежность, род занятий. Все процитированные материалы являются полевыми материалами авторов и хранятся в их личном архиве.

ВЫБОР ИМЕНИ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Степень жесткости этнических границ отражается в отношении населения к межнациональным бракам (Казиев и др. 2022: 174–184). Речь прежде всего идет о казахском населении, которое на протяжении более чем столетия проживает в смешанной культурной среде и настороженно относится к смешанным бракам как к феномену, ведущему к постепенной утрате национальной идентичности и последующей ассимиляции[4]. Руральный образ жизни северных казахов до 1970-х гг. способствовал жесткости межнациональных «перегородок». В сельской местности межнациональные браки не приветствовались, так что многие молодые казахи не решались на разрыв с родителями и родственниками, неизбежный при вступлении в смешанный брак. При этом недопустимыми считались не только межнациональные браки, но и разводы в собственно казахских семьях — это признавалось постыдным (*уят болад*). Даже при откровенно абьюзерском поведении мужа родители сбежавшей жены требовали ее возвращения в семью. Ситуация меняется в 1980-е гг., когда начинается урбанизация с сопутствующей индивидуализацией сознания, эгалитаризацией гендерных отношений и выходом на первый план личного выбора[5]. В ходе переезда в города северные казахи не создавали замкнутых анклавов и закрытых коллективов. Их дети учились и работали в многонациональной русскоязычной среде. Личный успех зависел от уровня владения русским языком и социального капитала. Распространение индивидуализма означает переход от «человека для группы или семьи» к «человеку для себя», т. к. индивидуализация сознания предполагает, что личности в большей мере ориентируются на собственные цели и не ставят солидарность с семьей и этнической группой выше персональных интересов, поэтому личный выбор брачного партнера (осуществляемый нередко вопреки родительской воле) становится преобладающим.

Поддержание этнических границ в настоящее время обеспечивается не столько запретом на брачные союзы с представителями иных этнических групп, сколько использованием таких ресурсов, как национальные традиции с исламским компонентом и знание генеалогии, в первую очередь — родовой принадлежности и *аулета* (линии мужских потомков,

---

[4] Детей от смешанных браков северные казахи называли *будан* ‘помесь’.

[5] Уравнивание гендерных ролей в среде северных казахов вызвало разрыв с соответствующими представлениями, распространенными среди казахов южных областей (где сохраняются снисходительное отношение к диктату мужа в семье и принцип невмешательства под предлогом защиты традиционных семейных ценностей). Наиболее ярко это проявилось в недавнем трагическом инциденте: экс-министр экономики Казахстана Куандык Бишимбаев насмерть забил свою гражданскую жену Салтанат Нукенову при откровенном попустительстве со стороны своих родственников.

выстраиваемой от общего прадеда). Старшее поколение стремится передать потомкам историю своего рода и заселения края. Ч. Кейес обращает внимание на важность историзации мировосприятия человека в конструировании основ этничности:

> Символы этнической принадлежности, передаваемые в таких контекстах, как при рассказе матери ребенку о стойкости его предков, чтобы укрепить решимость ребенка вынести некоторую боль или критику со стороны других, служат для установления у индивида чувства выживания, чувства, связанного с «непрерывностью» группы, членом которой он или она является по происхождению (Keyes 1981: 9).

Знание происхождения и деяний предков, устойчивая аффилиация с определенной родовой группой или харизматическим кланом (*торе* и *кожа*) составляют важнейший устойчивый элемент казахской самоидентификации, успешно конкурирующий с русскими идентичностью и культурной ориентацией в межнациональных семьях казахов. Обычной практикой внутриказахских отношений являлось установление степени родства, причем старшее поколение часто было осведомлено о наличии в происхождении другой стороны башкирских, ойратских или татарских предков. Соответственно выстраивалась и брачная стратегия, в рамках которой поощрялись браки детей по принципу чистоты крови. Таким образом, происхождение было серьезным социальным капиталом и маркером «казахскости». Даже потомки казахско-русских браков в третьем поколении точно знают свою родовую принадлежность. Асель А. сообщила одному из авторов статьи, что ее бабушка по отцу, мама и супруг — русские, но она считает себя казашкой из рода Караул и бережно хранит составленную отцом генеалогическую схему и память о семи предках — *жети ата* (ПМА 2025: Асель А., 48 л., казашка, бывший преподаватель вуза). У Темирхана А. тоже русские бабушка по отцовской линии и мать, он также знает о своем происхождении из рода Караул (ПМА 2025: Темирхан А., 28 л., казах, учитель). Данияр С. относит себя к роду Караул (его отец — казах, мать — украинка) и отмечает: «Ввиду того что я только начинаю осознавать всю ценность фамильных традиций, нахожусь на стадии изучения семейного происхождения» (ПМА 2025: Данияр С., 19 л., казах, студент).

Критическое отношение северных казахов к межнациональным бракам не означает их стигматизации. В сравнении с монголами Внутренней Монголии, считавшими детей от браков монголов и представителей китайского большинства «уродливыми и немыми» (Jankowiak 2024: 8), северные казахи не отторгали потомство от браков с русскими (или с представителями других народов) и старались привить рожденным в смешанных браках детям изначальную казахскую идентичность.

Проще дело обстояло с детьми от казахско-татарских браков в силу этнокультурной близости этих народов. Сами северные казахи идентифицируют татар как *ногай*, подчеркивая исторические корни — золотоордынскую общность. Дети от таких браков считают себя только казахами. При этом представители татарской молодежи из мононациональных семей часто меняют этническую принадлежность в прагматических целях, вызывая тревогу у разновозрастных сторонников сохранения национальной идентичности.

Старшее поколение северных казахов в настоящее время прилагает значительные усилия для сохранения национальной идентичности внуков. Важную роль в поддержании идентичности играет практика имянаречения. Темирхан А. рассказывает:

> Мама моего отца — русская, моя мама — тоже русская. Имя мне и брату Ренату давал аташка (от казах. *ата* ‘дед’. — *Ред.*). Внешне мы не выглядим как казахи из рода Караул, но мы себя таковыми считаем. Ата специально возил нас в детстве в аул Булак, чтобы мы прочувствовали себя казахами из рода Караул и приобщились к традициям семьи (ПМА 2025: Темирхан А.).

По словам Темирхана А., его дед особое внимание уделил только двум внукам по мужской линии и объявил, что они станут его наследниками лишь в том случае, если женятся на казашке. В этом рассказе очевидны мотивы борьбы за идентичность детей в межнациональных браках и компромиссы. Воспитание у младшего поколения представлений о происхождении является важным ресурсом для генерирования казахской идентичности — не менее ценным, чем осознание принадлежности к государствообразующей нации. Значимым также является воспитание у мальчиков определенной модели поведения, характерной для данного этнического коллектива. Например, казахские мужчины, согласно традициям, не должны носить золотых украшений и драгоценностей, красить волосы; социальным капиталом считаются в первую очередь мужская сдержанность и возраст. При приеме пищи в семейном кругу или на общественном мероприятии старший по возрасту мужчина первым дотрагивается до еды (и дает на это разрешение присутствующим), остальные терпеливо ждут. Он же завершает трапезу благодарностью и пожеланиями.

Еще один важный ресурс — распространение в казахской среде историзированной этнической идентичности: так, детям дают имена легендарных героев и религиозных подвижников. В значительной степени историзация идентичности была результатом воздействия социальных сетей и официальных СМИ. Широкую популярность получили имена исторических героев, особенно часто в последнее время родители выбирали имена

Томирис, Зарина, Аблай и Чингиз. Долгое время было популярно имя Нурсултан — как символ признания заслуг первого казахстанского президента, однако после его отставки в 2019 г. носители этого имени часто просят называть себя именем Султан. Социокультурные и политические изменения после распада советского общества вызвали интерес к мусульманским антропонимам: если ранее арабские имена были распространены в своих казахских вариантах (Ибрагим — Ыбырай, Фатима — Батима, Вали — Уали), то сейчас такие имена, как Мухаммед, Али, Расул, Ильяс, Муса, Иса, Халид, используются в более близком к оригинальному произношению варианте и во всяком случае без казахских аффиксов *-бек*, *-бай*, *-хан*. Согласно статистике последних лет, самыми популярными именами для новорожденных в Казахстане были Мухаммед и Мадина (Популярные имена и фамилии... 2021). Несомненно, историзация национального сознания сказывается на имянаречении детей и в межнациональных браках.

В среде этнических меньшинств обращение к изначальной идентичности при имянаречении также имеет место. Однако окончательный выбор имени зависит от многих факторов. Например, в среде казахстанских корейцев малышам дают православные имена в честь русских дедов или отцов, при этом собственно казахская традиция запрещает подобное имянаречение. Асхат С. так описал сложившуюся в его семье ситуацию:

> Дочь вышла замуж за корейца и родила двух сыновей. Им дали имена Ир Сен и Ир Лан (близкое по созвучию к казахскому имени Ерлан. — *С. К., М. М.*). Зять первоначально хотел дать русское имя в честь покойного отца, но я запретил это и предложил назвать первенца по корейской традиции. Второй внук получил полуказахское имя Ерлан. Сейчас они живут в Южной Корее и успешно интегрировались в местное сообщество. Зять и дочь религиозно индифферентны (ПМА 2025: Асхат С., 62 г., казах, тренер).

Императивное влияние на выбор имени казахских дедов и отцов контрастирует с поведением представителей других национальностей. Причина здесь кроется не в религиозности, а в стремлении сохранить свою идентичность в будущих поколениях.

В браках между татарами и русскими практики имянаречения носят более европейский характер со слабым вниманием к нативности и исламу. Один мужчина объяснял это близкими установками — русской супруги и его собственными:

> Разногласий не было при выборе имени для первого ребенка — Карина (у обоих еще до супружества, у каждого отдельно, любимое имя девочки

было Карина). При выборе имени второго ребенка первоначально с моей стороны был вариант Дамир, со стороны матери — Артем. Так как нам обоим не нравился первоначальный выбор, продолжали искать общий вариант, пока после перебора имен не остановились на [имени] Тимур, который понравился обоим. Кто предложил — не помню и не помню, сколько заняло времени (дня два — минимум, но не больше недели). Первый критерий — чтобы выбор имени полностью удовлетворял обоих родителей, нравился одинаково и мне, и жене. Мнение остальных родственников не учитывалось, хотя ими предлагались варианты, которые тоже вдвоем рассматривали. Второй критерий — имя не должно было слишком сильно подчеркивать национальность или конфессию. То есть сразу отметались варианты старорусских, православных (Елисей, Алексей), исконно татарских, мусульманских (Ильдар, Али) [имен]. Поэтому, по сути, выбирали из международных. Если подумать, может быть, главное было — чтобы имя не вызывало отторжения у нас и наших родственников. Третий критерий — чтобы сочеталось с фамилией и отчеством (совпадение порядка гласных Н*аи*ль, К*ари*на; с Тимуром, согласен, что-то не очень получилось). Но с моими сестрами правило работает: папа — Р*ави*ль, дети — Н*аи*ль, Р*аи*са, Н*аи*да (ПМА 2025: муж., 44 г., татарин, служащий).

В другом случае муж-татарин и жена-немка сразу исключили влияние религии и национальных традиций на семейную жизнь и имянаречение детей. Сына назвали Егором, дочь получила имя Алина (ПМА 2025: Ольга, 43 г., немка, сотрудник вуза).

Использование имени детей различается у казахов и татар. Отцы-казахи стараются привить своим сыновьям доминирующую маскулинность, не вмешиваясь в воспитание дочерей. Согласно казахским традициям, девочки являются «гостями» в семье[6], в то время как мальчик — наследником материального и духовного (символического) капитала семьи и *аулета*. Казахская пословица гласит: «Не родись сыном, родись мужчиной». Соответственно к мальчику в казахской традиции относятся как ко взрослому мужчине. Даже почтенный старец пожимает

[6] Исследователи отмечают, что «в казахской антропонимии с идеей предпочтительности рождения младенцев мужского пола связано и имянаречение девочек. Если в семье рождались только дочери, им давались имена с установкой на то, что следующим должен родиться сын. Так, например, в казахском именнике используются женские имена с компонентом *ұл* ‘мальчик/сын’: *Ұлболсын* (*ұл + болсын*, букв. ‘Пусть за ней будет мальчик’), *Ұлданай* (*ұл + данай*, букв. ‘Пусть продолжится мальчиком’), *Ұлжалғас* (*ұл + жалғас*, букв. ‘Пусть дальше следует мальчик’). Имянаречение девочек в данном случае обусловлено культурным кодом и ситуацией: подобные имена даются родителями в случае рождения нескольких девочек при отсутствии мальчиков. В исходной пропозиции содержится негативная оценка — “родился ребенок женского пола, и это плохо”. Значение имен интерпретируется так: “мы желаем, чтобы после девочки, которая родилась сейчас, родился мальчик”» (Темиргазина, Асельдерова 2022: 57).

поданную для приветствия мальчиком руку, а взрослая женщина должна остановиться и пропустить такого маленького мужчину, чтобы не пересекать ему дорогу[7]. Нередко казахские мужья соглашаются на европейское имя для дочерей, но обязательно сохраняют собственно казахское имя для сына. Валентина Н. родилась в браке казаха и русской. Родители договорились назвать сына казахским именем, дочь — русским. Респондентка гордится своим происхождением из племени Найман и рода Баганалы. Ее брата зовут Ескендир. Все родственники по мужской линии в этой семье носят имена исторических героев казахского народа. Сама Валентина вышла замуж за немца, в браке родилась дочь Адель. Выбор европейского имени для дочери она объясняет утилитарными соображениями: «Имя должно было удовлетворять “национальным ожиданиям” обеих семей. В случае эмиграции имя должно было отвечать национальным немецким традициям, без корректировки в написании» (ПМА 2025: Валентина Н., 41 г., казашка, преподаватель вуза). В другой анкете женщина, состоящая в браке с казахом, отметила, что имеет сына Даниала и дочь Екатерину. Здесь представлен компромиссный вариант имянаречения: в семье используют «удобные» диминутивы Даня и Катюша (или Китти) (ПМА 2025: жен., 45 л., русская, домохозяйка).

Материалы анкет показывают ограниченное использование старшим поколением казахов уменьшительно-ласкательных форм собственных имен при общении с внуками. Олеся П. отмечает разницу между казахскими родственниками мужа и своими родственниками в использовании имени дочери Анель: «Родственники со стороны матери [зовут девочку] Оня, Оник, Нэся. Родственники со стороны отца в основном обращаются только по имени». Она же отмечает ключевую роль бабушки мужа в выборе имени внучки:

> Насколько я помню, разногласий не было, только бабушке отца пояснили, что имя казахское и состоит из двух казахских слов *Ән* ‘песня’ и *Ел* ‘родная земля’. Она до этого скептически относилась к выбранному имени, так как ей казалось, что имя русское или татарское. При выборе имени я, безусловно, хотела учесть национальную и культурную принадлежность моего супруга к казахскому народу. Учитывала, что фамилия и отчество у моего ребенка будут казахские, поэтому и имя должно быть казахским, созвучным и ясным для понимания ее [дочери] национальной принадлежности (ПМА 2025: Олеся П., 36 л., украинка, учитель).

---

[7] В продолжение разговора о казахских традициях: «Имя ребенку, по традиции, может дать как старший родственник, например, дедушка, так и молдо (мулла). Он кладет ребенка в полу шапана, а затем шепчет громко (все слышат) в правое ухо: “ты такой-то”, а в другое ухо читает суру Корана “такбир”. Имянаречение сопровождается обрядовой трапезой и одариванием муллы и старших родственников подарками» (Стасевич 2021: 518).

Такое отношение распространяется и на внуков по женской линии. Гуля Н. пишет, что имена своим рожденным в браке с русским мужем сыновьям — Артем и Тимур — выбрала ее мама. Ее родственники называют их только полными именами (ПМА 2025: Гуля Н., 50 л., казашка, самозанятая).

Нередко представители старшего поколения называют внуков с подчеркнутым уважением: Даурен — Дауке, Булат — Буке и т. д.

В смешанных браках неказахские женщины, как правило, соглашаются на казахское имя, но в повседневной жизни используют русифицированные варианты. Кристина сама выбрала казахское имя для сына:

> Разногласий не было, имя заранее не обсуждалось, состояние здоровья ребенка задержало в больнице на месяц, свидетельство о рождении ребенка выписывали в больнице, обсуждать было не с кем, решение принимала сама. Никаких последующих обсуждений о том, кому как хотелось назвать ребенка, не было. Имя тюркское, подходит к отчеству и фамилии (ПМА 2025: Кристина, 46 л., немка, учитель).

Самостоятельное решение женщины дать сыну условно казахское имя не вызывает удивления — среди казахстанских немцев отмечается традиционно уважительное отношение к казахским традициям. При этом северные казахи считают немок наилучшими невестками. Очевиден контраст в обращении к внуку казахской бабушки и европеизированных родственников: бабушка по отцу называет внука Темирлан, отец, мать, немецкая бабушка по матери, прочие родственники используют имена Тимка, Тимчик, Тимыч, Тимуркин, Тимочка.

Среди состоящих в браках с казахами женщин славянского происхождения стремление дать детям европейские имена более отчетливо, однако со временем их отношение к имянаречению может измениться. Полина так описывает свою историю выбора имен для дочери и сына:

> У казахов первого ребенка называет старшее поколение. Но мой муж — средний, и уже был первый внук, которого они назвали. Мы решили, что наша дочка — второй ребенок, мы выберем сами, но будем советоваться. И так совпало, что бабушка мужа хотела бы назвать правнучку Аделиной, как мы и выбрали… Первому ребенку-дочке имя выбирала я сама, но советовалась с мужем и его родителями. Имя выбирала нейтральное, муж в этом решении поддержал и не был против (так сказать, ни вашим, ни нашим), я люблю и уважаю своего мужа, его родителей, их религию, национальность, но на тот момент я решила, что имя будет нейтральное. Свекр был против, сразу указав на то, что это немецкое имя (но не было ругани, просто мягко указал на немецкое происхождение имени, и больше мы к этому не возвращались и не обсуждали). Свекровь нейтрально, но

бабушка мужа (мама свекрови) хотела бы, чтоб правнучку назвали Аделиной. Я была в приятном шоке и очень обрадовалась этому, и тогда уже точно было решено дочку назвать Аделиной. Впоследствии, после рождения Аделины, каждому второму нужно было спросить: «А что отец — немец?» После ответа, что отец — казах, был вопрос: «А почему немецкое имя?» Потом таких вопросов больше не поступало, а когда слышат имя, просто говорят, что красивое имя. Второму ребенку — сыну — я сама искала имя, было несколько вариантов. Уже выбирала из списка только мусульманских имен, к этому времени мое мнение по поводу нейтральных имен поменялось. Отец детей — мусульманин, и было бы правильнее выбирать мусульманское имя. С мужем из нескольких имен мы вместе выбрали имя Самир. А родителям уже просто сообщили, как будем называть ребенка. Первому ребенку выбирали имя, исходя из личного предпочтения, то есть нейтральное. Второму ребенку — исходя из религиозности мужа (выбирали из списка мусульманских имен). Мы с мужем не глубоко религиозные люди (я — христианка, и это абсолютно никак не вызывает разногласий в нашей семье, мусульманство не принимала). Но так как отец детей — мусульманин, то обряды (купание в 40 дней, обрезание пут и т. д.) выполняем по мусульманским обычаям (ПМА 2025: Полина, 29 л., украинка, продавец).

В казахско-азербайджанской семье имя внуку — Расул ‘пророк’ — выбрала казахская бабушка, опираясь на религиозные и культурные традиции. В той же семье при произнесении имени внучки (Малика) старшее поколение придерживается казахской версии этого арабского имени. При этом мать детей позволяет называть сына «только ласково Расулёнок», отмечая, что у дочери «ударение неправильно ставят в имени, правильное ударение на букву *и*, а у супруга родители ставят на первый слог — на *а*». Далее она рассказывает:

[Имя] Расул дала бабушка супруга, мои родители были не против, потому что такое имя присутствует и в нашей национальности, даже фамилия моей мамы — Расулова. Здесь было единогласно. А вот с именем Малика немного непонятно было, почему именно ударение на второй слог. Им больше хотелось на первый слог, но они так и говорят все равно. Имена подбирали в первую очередь из религиозной ценности (потому что разные национальности, но религия одна у нас с супругом), чтобы не было затруднено по обращению к ребенку в социуме. Семейной традиции по имянаречению [как] таковой нет, в первую очередь религия, и отсюда отталкивались (ПМА 2025: жен., 28 л., азербайджанка, домохозяйка).

В смешанных браках, где один из супругов — татарин/татарка, в выборе имени стороны готовы к большим компромиссам. Дети получают европеизированные имена, родители, как правило, используют

уменьшительно-ласкательные имена дома. Елена имеет сына Вадима и дочь Алину, дома детей называют соответственно Алиночка и Вадюша (ПМА 2025: Елена, 55 л., русская, учитель). Один мужчина сообщил, что он и его русская супруга называют дочь Каришкой, а сына — Тимкой (ПМА 2025: муж., 44 г., татарин, служащий). Артур Х. родился в татарско-азербайджанской семье, родители используют диминутив Артурчик. В браках татар с казахами для детей выбираются «восточные» имена, близкие обеим сторонам, но с преобладанием казахских (ПМА 2025: Артур Х., 19 л., татарин, студент). Алмаз родился в татарско-казахской семье и получил имя, устраивавшее обе стороны; он идентифицирует себя как татарин, но подчеркивает родство с казахами:

> Я отношу себя к татарам, у нас в семье принято выбирать национальность по отцу, с малых лет мне говорили, что я — татарин. Хоть я и считаю себя татарином, но также люблю и уважаю казахов, я знаю *ру* (род. — *С. К., М. М.*) своей мамы (*уақ*), также знаю четыре поколения своих родственников. Вообще, где-то в глубине души я чувствую себя казахом. Ведь я вырос в окружении их, разговариваю на казахском языке и т. д. (ПМА 2025: Алмаз, 19 л., татарин, студент).

Как было сказано, в казахско-татарских браках преобладает ориентация на казахское. У многих казахов северного региона — татарские прабабушки, бабушки и мамы. Мадина воспитывает дочерей Дильназ, Самину и сына Алима. Имена для девочек выбирали родственники мужа-казаха, имя для сына Мадина выбирала совместно с мужем. Детей в семье в соответствии с казахской традицией называют только полным именем (ПМА 2025: Мадина, 39 л., татарка, работник сферы услуг).

Ситуация с имянаречением и использованием тех или иных вариантов имени в повседневном общении заметно усложняется в казахско-русских браках. Здесь имеет место конкуренция основных для региона национальных идентичностей, конструируемых родителями ребенка и старшим поколением. Татьяна выбирала вместе с мужем имена для дочерей — Амины и Камиллы, однако сыну дала имя Давид, подчеркивая его принадлежность к христианству. Свекровь называла внука именем Даулет, но впоследствии смирилась с выбором невестки. По словам Татьяны, муж отдавал предпочтение более «казахским» именам, особенно для мальчика. Однако для дочери имя «“Камилла” выбрал муж». Далее она уточняет: «…я выписала имена отдельно, которые нравятся мне, муж — отдельно, которые нравятся ему, и выбирали из тех, которые совпали. Он хотел просто арабское имя Камилá, а я схитрила в роддоме и написала “Камилла” с двумя *л*» (ПМА 2025: Татьяна, 35 л., русская,

домохозяйка). Однако в таких браках в конечном счете также вырабатываются компромиссы, а право выбора идентичности предоставляется самим детям. Данияр С. сообщает: «В семье была договоренность: если родится мальчик, то имя ребенка дает папа, если родится девочка, то имя ребенку дает мама... Я никогда не задумывался о смене имени, так как оно мне нравится и связано с моей личной историей и связывает меня с моей семьей и моими предками» (ПМА 2025: Данияр С., 19 л., казах, студент). Здесь мы видим конкуренцию двух вариантов формирования начальной идентичности, когда культурные маркеры становятся важным фактором определения национальных корней.

Таким образом, в практиках имянаречения в межнациональных браках у казахов прослеживаются две стратегии конструирования этнической идентичности: старшее поколение формирует принадлежность к казахскому этносу на основе культурно-религиозной интерпретации происхождения, включающей знание родовой аффиллиации и истории своих предков, формирование чувства «казахскости» (*казакшилик*); молодое поколение склонно к компромиссам и в то же время ориентируется на примордиалистские представления[8]. Имя здесь выступает надежным признаком культурной ориентации на национальную традицию или современность (европейскость). В этой связи интерес представляет мнение Карины Б.:

> По документам, с учетом национальности моего отца, я официально считаюсь русской. Однако на вопрос о том, к какой именно национальности я себя причисляю, мне сложно дать однозначный ответ. В моей семье тесно переплелись две культуры — казахская и русская, и это нашло отражение не только в традициях и семейных ценностях, но и в образе мышления, восприятии мира и менталитете. Я одинаково комфортно чувствую себя как среди родных со стороны матери, так и среди родственников со стороны отца. Это позволило мне глубже понять и прочувствовать обе культуры, уважать их особенности и находить в них то, что мне близко. У меня нет *ру* или *шежіре*, так как мой отец не является казахом, и поэтому по его линии я не могу проследить родословную в традиционном казахском формате. Однако со стороны моей матери я хорошо знаю свой род и могу назвать семь поколений предков. Это знание передавалось в нашей семье из поколения в поколение, сохраняя память о корнях,

[8] С. Бейсембаев на основе анализа написанных на заданную тему эссе студентов из Алматы и Астаны в октябре 2014 г. пришел к выводу: «…легко обнаружить, что преобладает примордиалистское понимание “казахскости” — это принадлежность к одной кровнородственной группе (“қанымыз бір” — одной крови), наличие воображаемого общего предка (“Алаштың баласымыз” — потомки Алаша), мифологизированная привязанность к территории, к земле (“Ата-бабамыздың жері” — земля предков) и обладание особыми культурными и ментальными особенностями (“мінезі ерекше”, “қонақжай”, “аққөңіл, пейілі кең” — особый характер, гостеприимный, доброжелательный, с открытой душой)» (Бейсембаев 2015: 17).

> традициях и истории нашего рода… Меня назвали Кариной именно потому, что, как я уже упоминала, это имя считается интернациональным и не привязано исключительно к русской или казахской национальности. Оно распространено во многих странах и культурах, что делает его нейтральным и универсальным. Выбирая это имя, мои родители стремились сохранить баланс между своими национальными корнями, чтобы не подчеркивать принадлежность только к одной из сторон и не притеснять национальную идентичность ни одного из них. Таким образом, мое имя стало своего рода символом гармоничного сочетания двух культур в моей семье (ПМА 2025: Карина Б., 18 л., русская, студентка).

Здесь мы не видим следов этнической маргинализации или бинарной идентичности, скорее — закономерный переход от сконструированной изначальной идентичности к конструируемой логикой социальных перемен «воображаемой» идентичности, когда «корни» превращаются во множественный личный выбор индивида, определяемый развитостью гражданских чувств и солидарностью внутри самого общества.

В беседе с авторами статьи Сергей Ф. заметил: «Я считаю себя исключительно казахстанцем, я вырос в многонациональном обществе, я хочу защищать это общество по мере сил. Мечтаю стать казахстанским военным, каких-либо чувств к Германии не испытываю, только знаю, что туда переехало много моих родственников» (ПМА 2025: Сергей Ф., 18 л., немец по отцу, мать — русская, студент). Усилению подобных тенденций способствует мощный культурный обмен между представителями казахского и русского (шире — славянского) населения, наиболее очевидный в практиках имянаречения, в изменениях в традиционной кухне и обрядах перехода. Местное славянское и немецкое население часто готовит казахские блюда, активно участвует в свадебных и поминальных обрядах. Как правило, славянские и немецкие участники казахских поминок дают пожертвования (*бата*) и нередко совершают молитву *дуа*, считая необходимым соблюдать казахские традиции. Подобные компромиссные модели поведения, сформировавшиеся в обществе, постепенно становятся доминирующими в межнациональных браках у казахов. Индикатором такого этнокультурного сдвига является имянаречение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования нейминга в межнациональных браках на материалах Северо-Казахстанской области показывают происходящие в обществе этнокультурные сдвиги, непосредственно влияющие на гендерные отношения и выбор идентичности. Казахи северной

части Казахстана в течение длительного времени проживали в преимущественно русско-казахской этнической среде и поддерживали национальные «перегородки», используя сложный комплекс инструментов, включавший формирование у молодого поколения понимания о нежелательности браков с представителями других национальностей, т. к. это ведет к падению традиционных устоев; культивирование чувства «казахскости» на основе происхождения и жесткого соблюдения обрядов перехода; сохранение казахских традиций имянаречения. Однако процессы урбанизации и модернизации казахов, с одной стороны, и мощная культурная интерференция с русскими, украинцами и немцами — с другой, привели к ослаблению негативного отношения казахов к межнациональным бракам при условии символического поддержания национальных традиций в создаваемых семьях. Изменения при выборе имен отражают сложные процессы адаптации супругов разных национальностей и их семей к новым условиям, требующим взаимопонимания и устойчивого консенсуса. В то же время эмпирический материал показывает конкуренцию в формировании родителями и старшим поколением идентичности детей, заключающейся в генерировании таких устойчивых маркеров национальной идентичности, как имя, знание родовой принадлежности, происхождения предков, пищевые предпочтения и определенная модель поведения. Общей в имянаречении в межнациональных браках у казахов является тенденция к выбору европейских имен для дочерей и казахских имен для сыновей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2025 — Анализ данных по имянаречению и идентичности; Республика Казахстан, Северо-Казахстанская обл., г. Петропавловск, январь–май 2025 г.

Популярные имена и фамилии населения Республики Казахстан // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/ru/national/2021/ (дата обращения: 18.01. 2025).

Атығай шежіресі / құраст. С. Жұмабаев, Қ. Құдайбергенов, Ә. Ғалеев. Петропавл: Асыл мұра, 2010. 510 б. [Родословная Атыгая / сост. С. Жумабаев, К. Кудайбергенов, А. Галеев. Петропавловск: Асыл Мура, 2010. 510 с.]. (На казах. яз.).

Бейсембаев С. Феномен казахского национализма в контексте сегодняшней политики: от отрицания к пониманию. Алматы: Сорос-Казахстан, 2015. 37 с. URL: https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2015/09/kazakh_nationalism.pdf (дата обращения: 15.04.2025).

Джанузаков Т. Д. Имена народов Казахстана: справочное пособие для работников учреждений ЗАГС, сельских и поселковых Советов народных депутатов, паспортных столов. Алма-Ата: Кітап, 1991. 112 с.

Еспаева К. С. Лексико-семантические типы антропонимов в эпопее «Путь Абая» М. Ауезова // Тюркская ономастика. Алма-Ата: Наука, 1984. С. 229–234.

Казиев С. Ш., Старченко Р. А., Могунова М. В. Браки городских казахов и русских г. Петропавловска Северного Казахстана: современные тенденции и перспективы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3 (58). С. 174–184.

Стасевич И. В. Обряды и ритуалы жизненного цикла // Казахи / отв. ред. С. Е. Ажигали, О. Б. Наумова, И. В. Октябрьская. М.: Наука, 2021. С. 508–552.

Темиргазина З. К., Асельдерова Р. О. Сложные казахские антропонимы с глагольным компонентом: пропозициональная структура // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 2. С. 48–65.

Geertz C. The interpretation of cultures. New York: Basic Books, 1973. 479 p.

Jankowiak W. R. Mongolian Interethnic Marriage, Ethnic Relations, and National Integration in the PRC // Genealogy. 2024. Vol. 8, iss. 2. Article number 65.

Keyes Ch. F. The Dialectics of Ethnic Change // Ethnic Change / ed. by Ch. F. Keyes. Seattle: University of Washington Press, 1981. P. 4–30.

Lévi-Strauss C. The savage mind. Chicago: Chicago University Press, 1966. 290 p.

Madiyeva G. B., Hoffmann E., Aliakbarova A. T. Linguistic attribution of modern kazakh anthroponyms // Eurasian Journal of Philology. 2020. Vol. 117, no. 1. P. 78–85.

REFERENCES

Beisembaev S. *Fenomen kazakhskogo natsionalizma v kontekste segodnyashney politiki: ot otritsaniya k ponimaniyu* [The phenomenon of Kazakh nationalism in the context of today's politics: from denial to understanding]. Available at: https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2015/09/kazakh_nationalism.pdf (accessed: 15.04.2025). (In Russian).

Espaeva K. S. [Lexico-semantic types of anthroponyms in the epic "The Way of Abai" by M. Auyezov]. *Tyurkskaya onomastika* [Turkic onomastics]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1984, pp. 229–234. (In Russian).

Geertz C. *The interpretation of cultures.* New York: Basic Books, 1973, 479 p. (In English).

Jankowiak W. R. Mongolian interethnic marriage, ethnic relations, and national integration in the PRC. *Genealogy*, 2024, vol. 8, iss. 2, article number 65. (In English).

Kaziev S. Sh., Starchenko R. A., Mogunova M. V. [Marriages of urban Kazakhs and Russians in Petropavlovsk, Northern Kazakhstan: current trends and prospects]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2022, no. 3 (58), pp. 174–184. (In Russian).

Keyes Ch. F. The dialectics of ethnic change. *Ethnic Change*. Seattle: University of Washington Press, 1981, pp. 4–30. (In English).

Lévi-Strauss C. *The savage mind.* Chicago: Chicago University Press, 1966, 290 p. (In English).

Madiyeva G. B., Hoffmann E., Aliakbarova A. T. Linguistic attribution of modern kazakh anthroponyms. *Eurasian Journal of Philology*, 2020, vol. 117, no. 1, pp. 78–85. (In English).

Stasevich I. V. [Rites and rituals of the life cycle]. *Kazakhi* [Kazakhs]. Moscow: Nauka Publ., 2021, pp. 508–552. (In Russian).

Temirgazina Z. K., Aselderova R. O. [Kazakh compound anthroponyms with a verbal element: Propositional structure]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2022, vol. 19, no. 2, pp. 48–65. (In Russian).

Submitted: 28.05.2025
Accepted: 13.08.2025
Article published: 15.12.2025